Библиотека ярославской семьи

АНТОЛОГИЯ ЯРОСЛАВСКОЙ ПОЭЗИИ

Антология

Виталий В. Горошников

Антология ярославской поэзии

Серия «Библиотека ярославской семьи»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69190039
Антология ярославской поэзии: Медиарост; Рыбинск; 2021
ISBN 978-5-906071-76-7

Аннотация

В антологию вошли более 300 стихотворений и отрывков. Представлено творчество 40 авторов, так или иначе связанных с Ярославским краем. Их произведения создают объёмную иллюстрацию к многовековой истории ярославской словесности. Благодаря голосам поэтов история литературы звучит и оживает, погружая читателя в мир поэтического слова.

Содержание

Слово о полку Игореве 7
Свт. Димитрий Ростовский 10
Псалмы 10
1. «Иисусе мой Прелюбезный…» 10
2. «Надежду мою…» 11
Фёдор Волков 14
Келья 14
Эпиграмма 16
Василий Майков 17
Роза и змея 17
Фёдор Слепушкин 18
Изба 18
Ответ моим землякам 21
«Гори, гори, лучинушка…» 23
Чувства души к Богу 24
Граф Дмитрий Хвостов 25
На разлитие Кубры 25
Каролина Павлова 29
А. Д. Б‹аратынск›ой 29
«Да, много было нас, младенческих подруг…» 30
Монах 31
Донна Инезилья 33
Странник 34

И. С. Ак‹сако›ву 36
«К могиле той заветной…» 38
«Мы странно сошлись. Средь салонного круга…» 39
«Ты, уцелевший в сердце нищем…» 41
Дорога 42
«Снова над бездной, опять на просторе…» 44
Юлия Жадовская 46
«Всё ты уносишь, нещадное время…» 46
«После долгой тяжёлой разлуки…» 47
«Тихо я бреду одна по саду…» 48
Нива 49
«Всё бы я теперь сидела да глядела!..» 50
Скоро весна 52
«Грустная картина!..» 53
«Впереди темнеет…» 55
«Я всё хочу расслушать…» 57
«Блистают златистые звёзды…» 58
Ранним утром 59
Николай Некрасов 60
На Волге 60
Рыцарь на час 68
Крестьянские дети 76
Накануне светлого праздника 78
Горе старого Наума 83
Леонид Трефолев 85

Дубинушка 85
Вековечная старуха 87
Шут 88
Песня о камаринском мужике 92
Пошехонские леса 98
Наша доля – наша песня 101
Безыменный певец 103
Иван Суриков 105
Рябина 105
Детство 107
В ночном 112
Степь 115
Зима 118
Савва Дерунов 120
Утро на сенокосе 120
«Луг зелёный под росою…» 122
Максим Богданович 123
«Скоро вечер в прошедшее канет…» 123
«Тёплый вечер, тихий ветер, мягкий стог…» 124
Озеро 125
«Хорошо прозрачной тёплой ночью мая…» 126
«Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело…» 127
«Уж синее небо темнеет…» 128
Костёл святой Анны в Вильне 129
Конец ознакомительного фрагмента. 130

Антология
Антология ярославской поэзии
Сборник стихов

Издание посвящено 200-летию со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова

Региональная книжная серия «Библиотека ярославской семьи» в популярной форме рассказывает о культурно-историческом и природном многообразии родного края.

Книги вобрали в себя труд многих поколений учёных и краеведов. Серия предназначена для семейного чтения, как для жителей области, так и для туристов.

© Издательство «Медиарост», 2021

Слово о полку Игореве
(*Отрывок*)
Перевод С. Шервинского

Поутру над рекою
На ранней заре
Ярославнин слышится голос —
Одинокой кукушкой
Кукует она:
«Полечу по реке я кукушкой,
Омочу я в Каяле
Атласный рукав,
Ладе-князю
Кровавые раны отру
На его истомившемся теле!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:
«Ветер, Ветер!
Что веешь навстречу?
Зачем
Ты на крыльицах лёгких своих,
Государь,
Половецкие стрелы

Стремишь на бойцов
Моего ненаглядного лады?
Или мало под тучами
Веять тебе,
Мало на море синем
Качать корабли?
Для чего, государь,
По траве-ковылю
Ты моё поразвеял веселье?»

Ярославна одна
На Путивльской стене
Причитает:
«О Днепр Словутич!
Каменистые горы
Ты, мощный, пробил,
Пересёк Половецкую землю.
Ты ладьи Святослава
На водах своих
Прилелеял к шатрам Кобяковым.
Ты желанного друга
Ко мне прилелей,
Государь, чтобы слёз
Я не слала к нему
Ранним утром на синее море!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:

«Трижды светлое Солнце!
Про всех у тебя
И тепла и отрады достанет.
О, зачем же свои
Огневые лучи
Ты простёрло на воинов лады?
Им в безводной степи
Луки жаждой свело
И колчаны тоскою стянуло!»

1180–1190-е

Свт. Димитрий Ростовский

Псалмы

1. «Иисусе мой Прелюбезный…»

Иисусе мой Прелюбезный,
сердцу Сладосте!
Едина в скорбех утеха,
моя Радосте!
Рцы душе моей: «Твое есмь
Аз спасение,
Очищение грехов
и в Рай вселение».
Мне же Тебе, Богу, благо
прилеплятися,
От Тебе милосердия
надеятися.
Никто же мне в моих бедах,
грешну, поможе,
Аще не Ты, о Всеблагий
Иисусе Боже!
Хотение мне едино
с Тобою быти:

Даждь ми Тебе, Христа, в сердце
всегда имети.
Изволь во мне обитати,
благ мне являйся,
Мною грешным, недостойным,
не возгнушайся.
Изчезе в болезни живот[1]
без Тебе, Бога:
Ты мне крепость и здравие,
Ты слава многа.
Радуюся аз о Тебе
и веселюся,
И Тобою во вся веки,
Боже, хвалюся.

2. «Надежду мою…»

Надежду мою
В Бозе полагаю,
Промыслу Его
Весь себе отдаю.
Яко Он хощет —
Так о мне устроит,
А Его воли
Никто не перестроит.

[1] *Живот* – жизнь.

Судьбы Господни —
Есть то бездна многа.
В тайных советех
Кто постигнет Бога?
Аще что кому
Он восхощет дати[2] —
Людская зависть
Не может препяти[3].
Кому у Него
Что предоставлено,
То непременно
Будет исполнено.
Убо надежда
Моя буди к Богу —
Удивит на мне
Милость Свою многу.
Не надеюся
На князи и люди:
В тех уповая,
Постыжен есть всюду.
Часть[4] моя еси —
Ты, единый Боже.
Твоя десница
Во всем мне поможет.
Десница Твоя —

---

[2] *Он восхощет дати* – если Он захочет дать кому что-либо.

[3] *Препяти* – препятствовать.

[4] *Часть* – участь, судьба, предназначение.

Та сотворит силу,
Исцелит душу,
Даст здравие телу.
Та и вся блага,
Аще их есть требе,
Вскоре дать может
И потом жить в небе.

Конец XVII века

Фёдор Волков

Келья

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен добрый молодец насильно.
Ты скажи мне, красна девица, всю правду:
Или люди-то совсем уже ослепли,
Для чего меня все старцем называют?
Ты сними с меня, драгая, камилавку[5],
Ты сними с меня, мой свет, и чёрну рясу,
Положи ко мне на груди белу руку
И пощупай, как трепещет моё сердце,
Обливался всё кровью с тяжким вздохом;
Ты отри с лица румяна горьки слёзы,
Разгляди ж теперь ты ясными очами,
Разглядев, скажи, похож ли я на старца?
Как чернец, перед тобой я воздыхаю,
Обливался весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, моё сердце!

[5] *Камилавка* – головной убор священнослужителя, монаха.

Эпиграмма
(*Приписывается Ф. Волкову*)

Всадника хвалят: хорош молодец!
Хвалят другие: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь, и детина —
Оба красивы, да оба скотина.

Василий Майков

Роза и змея

Как некогда Змея так Розе говорила:
«Натура нас с тобой подобных сотворила:
Ты жалишься, как я».
Тогда в ответе речь была Змее сия:
«Злохитрая Змея!
Напрасно ты себя ко мне приткнула боком
И хочешь замарать меня своим пороком:
Я жалю только тех,
Которые меня с невежеством ломают,
А ты, хотя тебя и вечно не замают,
Ты жалишь всех».

Читатель мой, внемли, что пела лира:
Змея – преподлая, а Роза – умная сатира.

Между 1763 и 1767

Фёдор Слепушкин

Изба

Я о мирной жизни сельской
Вам хочу сказать, друзья,
Как в тиши здесь деревенской
Добрая живёт семья.
Старый дом с двумя окнами,
Весь соломою покрыт,
В нём и верх, и со стенами,
Всё простой имеет вид.
Тамо видел я икону!
Впереди она стоит:
Перед нею ж по закону —
Свечка жёлтая горит.
Стол большой, и весь дубовый,
Не накрыт стоит ничем.
Лишь один корец[6] кленовый
С добрым пивом был на нем.
Лавки с чистыми скамьями
В той избе вокруг стоят,
Шубы рядышком висят,

[6] *Корец* – ковш.

Чинно, вместе с зипунами.
Полки с кринками, с горшками,
Всё опрятно, на уряд[7].
Печь большая: там полати,
Где семья ночной порой
Спит, равно как на кровати,
По трудах своих зимой.
Колыбель с дитёй висела,
Там его покоил сон;
Мать при нём тогда сидела,
Пряжу вила с веретён.
Дед на печке и с детями
Сидя лапотки плетёт
И весёлыми словами
Про старинушку поёт.
На скамьях же за гребнями
Пряжу девушки прядут,
Бабы, сидя за станами,
Пестрядь, холст и сукна ткут.
С ними бабушка родная
Всей семье заводит речь:
«В чём же прибыль нам большая,
Что всего нужней беречь?»
Все, задумавшись, молчали
Перед бабушкой тогда;
Слов её не отгадали,
Шёл лишь свист с веретена.
Тут старушка им сказала:

[7] На уряд – то есть в должном порядке.

«Вот что нам всего нужней! —
И на печку указала, —
Жить бы нам нельзя без ней.
В стужу печь нас согревает,
Хлеб готовит для людей.
Сердце старца утешает:
Он покоится при ней,
Вспомнит годы молодые;
Тут же детушкам игра.
Самый дым для нас, родные,
Много делает добра.
Примечайте, как затопит
Баба печку на заре,
Дым густым туманом ходит
В это время по избе.
Тем он сырость извлекает,
И, клубясь, уйдёт трубой.
Печь здоровье охраняет,
Даст и бодрость и покой».

1823–1826

Ответ моим землякам

По селу меня ругают
Одноземцы за стихи,
Пустомелей называют:
«Вот пустился на грехи!
Знал бы торг, весы и меры,
Да о поле б не забыл,
Чем выдумывать химеры!»
Мне знакомец говорил:
«Не в своё не суйся дело!»
Были речи земляка:
«И скажу, голубчик, смело:
Стоит бить бы дурака!»
Но позвольте, сваты-други,
Вам причину объяснить:
Вить пишу я на досуге.
Так за что ж меня винить?
Рассудите вы, родные,
Лучше ль попусту гулять?
Нам минуты дорогие
Не велел Господь терять!
Утром в лавке я бываю,
До обеда всё тружусь,
В полдень счёты разбираю,
В вечер поздно спать ложусь.
Но урву какой часочек

От бессонницы своей,
Взяв бумажки лоскуточек,
За стихи я поскорей.
И в моём воображенье
Жизни сельской красоты,
Как в весёлом сновиденье,
Представляются цветы.
И с бумагой разделяю
Я мечту тогда мою
И, что в сердце ощущаю,
Я в стихах передаю.
Иногда пишу портреты
Я с родни, детей, друзей.
Ставлю верно их приметы
В память радости своей.
Я искусства не имею,
Пред судьями вкуса нем.
Хвалят? – веселюсь душою.
Хулят? – не печалюсь тем.
Веселюся за трудами,
Как с палитрою сижу;
С доброй жёнкой и с детями
Час бесценный провожу.
Чем знакомым я мешаю?
Видит Бог, не знаю сам!
Но на волю оставляю
Пересуды землякам.

1800-е

«Гори, гори, лучинушка…»

Гори, гори, лучинушка,
Гори посветлее,
Прядись скорей, мой чистый лён,
Прядись поскорее!
Спеши, моё кленовое,
Спеши, веретенце!
Пора мне шить для милого
В дары полотенце!

Мне весть пришла, что жив мой друг
И скоро приедет;
Его душа моей душе
Ни в чём не изменит.
И может быть, летит ко мне
Он соколом ясным.
Я буду ждать по вечеру
И в утро днём красным.

Лишь только я увижусь с ним,
Скажу: друг со мною!
Прими скорей подарок мой —
И сердце с душою!

1828

Чувства души к Богу

Великий мой Творец, Владыко всемогущий!
Един Ты, Боже, всем, в превыспренних живущий.
Земля и небеса во власти суть Твоей.
Исчислил Ты пески и капли рек, морей.
Ты существо огня и тягость ветра знаешь
И молнией сквозь дождь свод неба озаряешь!
Ты знаешь нужды всех – всех милуешь, хранишь,
Мы гневаем Тебя, но Ты благотворишь!
Я помню те лета, как был я сиротою,
Оставлен был отцом и матерью родною;
Мне жизнь была как ночь с густою темнотой,
И тучу разных бед я видел пред собой,
Которая меня разила повсечасно;
Казалось мне, мой век окончится несчастно!
Минуту каждую я бедствий ожидал,
Но всё я на Тебя, Владыко, уповал!
Всещедрый, удивил Ты милость надо мною,
Хвалю Тебя, Творец, и сердцем и душою!
Ты бурю разогнал и силу грозных туч;
Уж радует меня блестящий солнца луч.
До гроба моего мне, Боже, будь покровом,
По смерти же – даруй с Тобой жить в свете новом!

1800-е

Граф Дмитрий Хвостов

На разлитие Кубры

Внимал твое я прежде слово,
Внемли, Кубра, Поэта речь:
Иль сердце кроткое готово
Змеиную похитить желчь?
Скажи, давно ль тебе угодно
Теченье наглое свободно?
Иль надоел спокойный рок?
Свой бег излучистый, игривый —
Увы! – на шумный и бурливый
Напрасно ты меняешь ток

Ревнуя славе звучной в мире,
Несешься дерзко к городам;
Мечтаешь грозных вод в порфире[8]
Подобна быть большим рекам;
Простясь Природы с тишиною,
Ты хочешь гнать волну волною,
Как Волга, Каспия достичь;

[8] *Порфира* – парадное одеяние монарха. Здесь речь идёт о «претензиях» небольшой переславской речки Кубри на значительность в период осеннего разлива.

Срывая с берегов закрепы,
Распространяя бег свирепый,
Нести опустошенья бич.

Я знаю, в лютости дерзала
Похитить мельницу села,
Где тень волнам своим встречала
И где, как роза, ты цвела.

Потока кротостью хвалися,
Предел свой оставлять страшися.
Коль Владимирославля[9] ты,
Кубра, набегом не щадила,
Я трепещу, что погубила
Мою беседку и цветы.

Ты что пред Волгою и Доном
Или пред славною Невой?
Скажи, ты с Бельтом, Ладогоном[10]
Сливалась ли когда водой?
Лишь тучных пажитей[11] приятство
И Феба[12] луч – твое богатство;
Ты расточаешь капли вод,

---

[9] *Владимирославль* – село в Переславском уезде.

[10] *Бельт* – один из скандинавских проливов, связывающий Балтийское и Северное моря. *Ладогон* – олицетворение Ладожского озера, восходящее к поэзии Гавриила Державина.

[11] *Пажить* – луг, поле; пастбище с густой и сочной травой.

[12] *Феб* – другое имя Аполлона, древнегреческого бога света.

Скопила кои середь лета
От сильных облаков навета
И от дождливых непогод.

Вещаю речке позабытой,
Красе лугов, полей и рощ:
Кубра, быть хочешь знаменитой?
Свою познай ты прежде мощь
И малое в избытках средство;
Поэта потопя наследство,
Пусть уменьшишь его доход
Или еще прибавишь долгу;
Сама ты не догонишь Волгу
И не увидишь Невских вод.

Оставь воззванным среди мира
С шумливым ревом течь рекам,
Любуйся веяньем зефира[13],
Лей радость мирным берегам.
Нева по бездне вод скопленной
Плоды, сокровища Вселенной,
В Россию целую несет;
Подземного не внемля стона,
Ни рева Бельта, ни Тифона[14],
По гласу Божию течет.

---

[13] *Зефир* – божество западного ветра в древнегреческой мифологии.

[14] *Тифон* – чудовище, низвергнутое в недра земли, с которым древние греки связывали землетрясения.

Тебя хотел всегда я славить
На лире, даннице твоей;
Но ах! осмелюсь ли представить
Кубру с разгневанной струей?
Внемли внушению Поэта,
Не слушай черных бурь совета,
Избавься лишния тоски;
Средь роз, фиалок, фимиама,
Как встарь, от Яхромы до Яма
В своих излучинах теки.

Теки – и мирными водами
Луга прибрежные питай,
Их зелень с красными цветами
Отливом Феба сочетай.
Ты будь (сама рекла) любезной,
Благотворением полезной,
Умей прекрасное ценить,
Соседства счастьем наслаждаться,
У ног Филлиды[15] извиваться
И гор подошву кротко мыть.

Ноябрь 1824

[15] *Филлида* – принятое в пасторальной поэзии имя влюблённой пастушки.

Каролина Павлова

А. Д. Б‹аратынск›ой

Писали под мою диктовку
Вы, на столе облокотись,
Склонив чудесную головку,
Потупив луч блестящих глаз.

Бросала на ваш профиль южный
Свой отблеск тихая мечта,
И песнь души моей недужной
Шептали милые уста.

И данную мне небесами
Я гордо сознавала власть,
И поняла, любуясь вами,
Что я не вправе духом пасть,

Что не жалка судьба поэта,
Чьё вдохновение могло
Так дивно тронуть сердце это
И это озарить чело!..

«Да, много было нас, младенческих подруг…»

Да, много было нас, младенческих подруг;
На детском празднике сойдёмся мы, бывало,
И нашей радостью гремела долго зала,
И с звонким хохотом наш расставался круг.

И мы не верили ни грусти, ни бедам,
Навстречу жизни шли толпою светлоокой;
Блистал пред нами мир роскошный и широкий,
И всё, что было в нём, принадлежало нам.

Да, много было нас – и где тот светлый рой?..
О, каждая из нас узнала жизни бремя
И небылицею то называет время,
И помнит о себе, как будто о чужой.

Декабрь 1839

Монах

Бледноликий
Инок дикий,
Что забылся ты в мечтах?
Что так страстно,
Так напрасно
Смотришь вдаль, седой монах?

Что угрюмой
Ищешь думой?
Чужд весь мир тебе равно;
Что любил ты,
С кем грустил ты —
Всё погибло уж давно.

Бросил рано
Свет обмана
Ты для мира Божьих мест;
Жизни целью
Сделал келью,
Вместо счастья взял ты крест.

Лет ты много
Прожил строго,
Память в сердце истребя;
Для былого

Нет ни слова,
Нет ни вздоха у тебя.

Или тщетно
Долголетно
Ты смирял душевный пыл?
Иль в святыне
Ты и ныне
Не отрёкся, не забыл?

Бледноликий
Инок дикий,
Что забылся ты в мечтах?
Что так страстно,
Так напрасно
Смотришь вдаль, седой монах?

Январь 1840

Донна Инезилья

Он знает то, что я таить должна:
Когда вчера по улицам Мадрита
Суровый брат со мною шёл сердито —
Пред пришлецом, мантильею покрыта,
Вздохнула я, немой тоски полна.

Он знает то, что я таить должна:
В ночь лунную, когда из мрака сада
Его ко мне неслася серенада, —
От зоркого его не скрылось взгляда,
Как шевелился занавес окна.

Он знает то, что я таить должна:
Когда, в красе богатого убора,
Вошёл он в цирк, с мечом тореадора, —
Он понял луч испуганного взора
И почему сидела я бледна.

Он знает то, что я таить должна:
Он молча ждёт, предвидя день награды,
Чтобы любовь расторгла все преграды,
Как тайный огнь завешенной лампады,
Как сильная, стеснённая волна!

Июль 1842

Странник

С вершин пустынных я сошёл,
Ложится мрак на лес и дол,
Гляжу на первую звезду;
Далёк тот край, куда иду!

Ночь расстилает свой шатёр
На мира Божьего простор;
Так полон мир! мир так широк —
А я так мал и одинок!

Белеют хаты средь лугов.
У всякого свой мирный кров,
Но странник с грустию немой
Страну проходит за страной.

На многих тихих долов сень
Спадает ночь, слетает день;
Мне нет угла, мне нет гнезда!
Иду, и шепчет вздох: куда?

Мрачна мне неба синева,
Весна стара, и жизнь мертва,
И их приветы – звук пустой:
Я всем пришлец, я всем чужой!

Где ты, мной жданная одна,
Обетованная страна!
Мой край любви и красоты —
Мир, где цветут мои цветы,

Предел, где сны мои живут,
Где мёртвые мои встают,
Где слышится родной язык,
Где всё, чего я не достиг!

Гляжу в грядущую я тьму,
Вопрос один шепчу всему.
«Блаженство там, – звучит ответ, —
Там, где тебя, безумец, нет!»

Ноябрь 1843

И. С. Ак‹сако›ву

В часы раздумья и сомненья,
Когда с души своей порой
Стряхаю умственную лень я, —
На зреющие поколенья
Гляжу я с грустною мечтой.

И трепетно молю я Бога
За этих пламенных невежд;
Их осуждение так строго,
В них убеждения так много,
Так много воли и надежд!

И, может, ляжет им на темя
Без пользы времени рука,
И пропадёт и это племя,
Как Богом брошенное семя
На почву камня и песка.

Есть много тяжких предвещаний,
Холодных много есть умов,
Которых мысль, в наш век сознаний,
Не признаёт святых алканий,
Упрямых вер и детских снов,

И, подавлён земной наукой,

В них дар божественный исчез;
И взор их, ныне близорукий,
Для них достаточной порукой,
Что гаснут звёзды средь небес.

Но мы глядим на звёзды неба,
На мира вечного объём,
Но в нас жива святая треба,
И не житейского лишь хлеба
Для жизни мы от Бога ждём.

И хоть пора плода благого
Уже настанет не для нас —
Другим он нужен будет снова,
И Провиденье сдержит слово,
Когда б надежда ни сбылась.

И мы, чья нива не созрела,
Которым жатвы не сбирать,
И мы свой жребий встретим смело,
Да будет вера – наше дело,
Страданье – наша благодать.

Август 1846, Гиреево

«К могиле той заветной…»

К могиле той заветной
Не приходи уныло,
В которой смолкнет сила
Всей жизненной грозы.

Отвергну плач я тщетный,
Цветы твои и пени;
К чему бесплотной тени
Две розы, две слезы?..

Март 1851

«Мы странно сошлись. Средь салонного круга…»

Мы странно сошлись. Средь салонного круга,
В пустом разговоре его,
Мы, словно украдкой, не зная друг друга,
Своё угадали родство.
И сходство души не по чувства порыву,
Слетевшему с уст наобум,
Проведали мы, но по мысли отзыву
И проблеску внутренних дум.

Занявшись усердно общественным вздором,
Шутливое молвя словцо,
Мы вдруг любопытным, внимательным взором
Взглянули друг другу в лицо.

И каждый из нас, болтовнёю и шуткой
Удачно мороча их всех,
Подслушал в другом свой заносчивый, жуткий,
Ребёнка спартанского смех.

И, свидясь, в душе мы чужой отголоска
Своей не старались найти,
Весь вечер вдвоём говорили мы жёстко,
Держа свою грусть взаперти.

Не зная, придётся ль увидеться снова,
Нечаянно встретясь вчера,
С правдивостью странной, жестоко, сурово
Мы распрю вели до утра,

Привычные все оскорбляя понятая,
Как враг беспощадный с врагом, —
И молча друг другу, и крепко, как братья,
Пожали мы руку потом.

Январь 1854

«Ты, уцелевший в сердце нищем…»

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:
Моя напасть! моё богатство!
Моё святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять;
Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье
И обреки всё сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

1858

Дорога

Тускнеет в карете, бессильно мерцая,
И гаснет ночник;
Всё пасмурней тянется чаща глухая.
Путь тёмен и дик.

Карета несётся, как будто б спешила
В приют я родной;
Полуночный ветр запевает уныло
В пустыне лесной.

Бегут вдоль дороги всё ели густые
Туда, к рубежу,
Откуда я еду, туда, где Россия;
Я вслед им гляжу.

Бегут и, качая вершиною тёмной,
Бормочут оне
О тяжкой разлуке, о жизни бездомной
В чужой стороне.

К чему же мне слушать, как шепчутся ели,
Всё мимо скользя?
О чём мне напомнить они б ни сумели —
Вернуться нельзя!

Сентябрь 1861

«Снова над бездной, опять на просторе…»

Снова над бездной, опять на просторе —
Дальше и дальше от тесных земель!
В широкошумном качается море
Снова со мной корабля колыбель.

Сильно качается; ветры востока
Веют навстречу нам буйный привет;
Зыбь разблажилась и воет глубоко,
Дерзко клокочет машина в ответ.

Рвутся и бьются, с досадою явной,
Силятся волны отбросить нас вспять.
Странно тебе, океан своенравный,
Воле и мысли людской уступать.

Громче всё носится ропот подводный,
Бурных валов всё сердитее взрыв;
Весело видеть их бой сумасбродный,
Радужный их перекатный отлив.

Так бы нестись, обо всём забывая,
В споре с насилием вьюги и вод,
Вечно к брегам небывалого края,

С вечною верой, вперёд и вперёд!

Январь 1854

Юлия Жадовская

«Всё ты уносишь, нещадное время…»

Всё ты уносишь, нещадное время, —
Горе и радость, дружбу и злобу;
Всё забираешь всесильным полётом;
Что же мою ты любовь не умчало?

Знать, позабыло о ней ты, седое;
Или уж слишком глубоко мне в душу
Чувство святое запало, что взор твой,
Видящий всё, до него не проникнул?

1846

«После долгой тяжёлой разлуки…»

После долгой тяжёлой разлуки,
При последнем печальном свиданье
Не сказала я другу ни слова
О моём безутешном страданье;
Ни о том, сколько вынесла горя,
Ни и том, сколько слёз пролила я,
Как безрадостно целые годы
Понапрасну его всё ждала я.
Нет, лишь только его увидала,
Обо всём, обо всём позабыла;
Не могла одного позабыть я —
Что его беспредельно любила…

«Тихо я бреду одна по саду…»

Тихо я бреду одна по саду,
Под ногами жёлтый лист хрустит,
Осень льёт предзимнюю прохладу,
О прошедшем лете говорит.
Говорит увядшими цветами,
Грустным видом выжатых полей
И холодными, сырыми вечерами —
Всей печальной прелестью своей.
Так тоска душе напоминает
О потере наших лучших дней,
Обо всём, чего не возвещает
Эта жизнь – жестокий чародей!

1846

Нива

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая,
По тебе от ветру —
Словно в синем море —
Волны так и ходят,
Ходят на просторе.
Над тобою с песней
Жаворонок вьётся;
Над тобой и туча
Грозно пронесётся.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая, —
О людских заботах
Ничего не зная.
Уноси ты, ветер,
Тучу градовую;
Сбереги нам, Боже,
Ниву трудовую!..

1847

«Всё бы я теперь сидела да глядела!..»

Всё бы я теперь сидела да глядела!
Я глядела бы всё на ясное небо,
На ясное небо да на вечернюю зорю, —
Как заря на западе потухает,
Как на небе зажигаются звёзды,
Как вдали собираются тучи
И по ним молнья пробегает…
Всё бы я теперь сидела да глядела!
Я глядела бы всё в чистое поле —
Там, вдали, чернеет лес дремучий,
А в лесу гуляет вольный ветер,
Деревам чудные речи шепчет…
Эти речи для нас непонятны;
Эти речи цветы понимают, —
Им внимая, головки склоняют,
Раскрывая душистые листочки…
Всё бы я теперь сидела да глядела!..
А на сердце тоска, будто камень,
На глазах пробиваются слёзы…
Как, бывало, глядела я другу в очи —
Вся душа моя счастьем трепетала,
В моём сердце весна расцветала,
Вместо солнца любовь светила…

Век бы целый на него я глядела!..

1847

Скоро весна

Скоро весна! Посмотри: под горячим лучом
Снег исчезает заметно; скворцы прилетели;
В воздухе жизнь, и по небу плывут облака;
С крыш, точно жемчуг, звуча и сверкая,
Падают капли; дышит всё мыслью одной,
Полно одною надеждой: скоро весна!
Стало мне вдруг хорошо и легко, так легко,
Будто в душе моей также весна настаёт…

1847–1856

«Грустная картина!..»

Грустная картина!
Облаком густым
Вьётся из овина
За деревней дым.
Незавидна местность:
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Всё как бы в тумане,
Всё как будто спит…
В худеньком кафтане
Мужичок стоит,
Головой качает —
Умолот плохой.
Думает-гадает:
Как-то быть зимой?
Так вся жизнь проходит
С горем пополам;
Там и смерть приходит,
С ней конец трудам.
Причастит больного
Деревенский поп,
Принесут сосновый
От соседа гроб,
Отпоют уныло…

И старуха мать
Долго над могилой
Будет причитать…

1848

«Впереди темнеет…»

Впереди темнеет
Жизнь без наслажденья,
В сердце проникает
Скорбное сомненье…
Мало ли их было,
Чистых упований…
Ни одно из жарких
Не сбылось желаний!
Беспощадной волей
Все они разбиты…
Не было участья,
Не было защиты!
Где ж, для новой жизни,
Где возьму я силы?
Знать, не будет больше
Счастья до могилы!
Зажигайтесь, звёзды,
В небе поскорее!
Раздавайтесь, звуки
Соловья, сильнее!
Заглушите в сердце
Горе и сомненье —
Пусть струёй отрадной
Льётся мне забвенье…

«Я всё хочу расслушать…»
Из цикла «Вечерние думы»

Я всё хочу расслушать:
Что говорят оне,
Ветвистые берёзы
В полночной тишине?..
Всё хочется узнать мне:
Зачем их странный шум
Наводит мне так много,
Так много сладких дум?
Всё хочется понять мне:
О чём в тени ветвей
Поёт с таким восторгом
Волшебник-соловей? —
Вот отчего так долго,
Так долго и одна
В часы прохладной ночи
Сижу я у окна.

Вот отчего так часто
В беседе я живой
Вдруг становлюсь печальной,
Недвижной и немой.

1847–1856

«Блистают златистые звёзды…»

Блистают златистые звёзды;
Прекрасно далёкое небо;
Прекрасна земля, озарённая небом…,
И вот из соседнего дома
Несутся отрадные звуки —
В них горе, и радость, и к небу стремленье.
Гляжу я на звёзды, внимаю я звукам…
Мне хочется в небо!

1847–1856

Ранним утром

Отворить окно; уж солнце всходит,
И, бледнея, кроется луна,
И шумящий пароход отходит,
И сверкает быстрая волна…
Волга так раскинулась широко,
И такой кругом могучий жизни хор,
Силу родины так чувствуешь глубоко;
В безграничности теряется мой взор.
Сердце будто весть родную слышит —
В ней такая жизни глубина…
Оттого перо лениво пишет —
Оттого, что так душа полна.

1847–1856

Николай Некрасов

На Волге
(*Отрывок*)

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал

Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью – волк сидит
За нашей ригой[16], а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошёл я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так – хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь Божий мир – и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут,
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шёл назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нём
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал – черти ни гугу!
Я пруд три раза обошёл,
Но чёрт не выплыл, не пришёл!
Смотрел я меж ветвей дерев

[16] *Рига* – хозяйственная постройка для сушки зерна.

И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошёл я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой —
Наверно б, мёртвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путём,
Пока рождённого рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет

Я вновь принёс тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же… только нет
Убитых сил, прожитых лет…

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки[17] дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несётся крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню!..» Догнал, поймал —

[17] *Рыбалки* – чайки.

И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,

Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьём по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою…
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушёл бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушён.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котёл с расшивы[18] принесли,
Уселись, развели костёр
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадём? —
Один сказал. – Когда б попасть
Хоть на Илью…» – «Авось придём, —

[18] *Расшива* – деревянное парусное речное судно.

Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. – Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы ещё…»
Он замолчал и навзничь лёг.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможённые черты
И выражающий укор
Спокойно-безнадёжный взор…

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть что сделалось со мной?

Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрёт в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!
Но если вы – наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрёк
Так сокрушительно жесток?..

1860

Рыцарь на час
(*Отрывок*)

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится…
Слава Богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.

По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребёнка.
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги…
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаёшься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;

Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы

Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает…
Я советую гнать её прочь —
Будет время ещё сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубóко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывёт над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что, как иней, к земле прилегли —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;

Дуб ли пасмурный, клён ли весёлый —
В нём легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжёлый —
Видишь – дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном – золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов —
Всё доступно довольному взору…
Не сожмётся мучительно грудь,

Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна её бедность нагая!
Запаслася скирдами[19], родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, – я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой…

[19] *Скирды* – снопы, уложенные для хранения под открытым небом.

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далёкой,
Где лежит моя бедная мать…

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облачённого в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересёк всю равнину.

Поднимись! – и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенётся душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;

Одинокий ли путник ночной
Их заслышит – бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит Бога о ведреном[20] дне.

Звук за звуком, гудя, прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и тёмном…
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделён, – всё живёт предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает…

Повидайся со мною, родимая!
Появись лёгкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.

[20] *Ведреный* – ясный, безоблачный, погожий.

С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, – грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость Бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлёт тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну – и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твёрдою
И на правый поставила путь…

Треволненья мирского далёкая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.

Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клевещут язвительней.
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чём середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдёт, —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперёд и вперёд!

Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал – и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
Может смертью ещё доказать,
Что в нём сердце неробкое билося,
Что умел он любить…

1860–1862

Крестьянские дети
(*Отрывок*)

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах… а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» – «Ступай себе мимо!» —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» – «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?» —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я…» —
«Так вот оно что! А как звать тебя?» – «Власом». —
«А кой тебе годик?» – «Шестой миновал…
Ну, мёртвая!» – крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребёнок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,

Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти – дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

1861

Накануне светлого праздника
(*Из стихотворений, посвященных русским детям*)

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нём:
Берёза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева – долина,
Как скатерть ровна.
Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шёл.
Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:
Тут чудо-картину
Я видел тогда!

Её вспоминаю
Охотно всегда…

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В Страстную субботу,
Пред самой Святой.
Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;
Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?
Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы
И петь, и ругаться,
Да – день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:
В одном сюртучишке,

Фуражка как блин, —
Гармония[21], трубка,
Утюг и аршин!
Смотрите – красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой[22]
И суриком[23] глаз;
Он кисти и краски
Несёт за плечом,
И словно ландкарта[24]
Передник на нём.
Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И, словно солдаты,
Все в ногу идут,
А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плéчах дрожат!
Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее прийти,
Омыть с себя копоть

---

[21] *Гармония* – гармонь.

[22] *Охра* – краска от светло-жёлтого до жёлто-коричневого цвета.

[23] *Сурик* – красная краска.

[24] *Ландкарта* – географическая карта.

И пот трудовой
И встретить Святую
С весёлой душой…

III

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом,
Взглянул на долину,
Что к озеру шла.
И вижу – долина
Моя ожила:
На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу
Огни озарили:
Куда-то идёт
С пучками горящей
Соломы народ.
Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,
При свете горящей
Соломы, – толпы…
У Божьего храма
Сходились тропы —
Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

20 марта 1873

Горе старого Наума
Волжская быль
(*Отрывок*)

I

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум – неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле…
Вблизи – Бабайский монастырь,
Село Большие Соли,

Недалеко и Кострома.
Наум живёт – не тужит,
И Волга-матушка сама

Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом перекате;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»…
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся»[25] барки.
Купцы бегут: «Помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнёт народу: не плошай!
И сам не оплошает…

Кипит работа до утра:
Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

7-10 августа 1874

[25] *Паузить* – перегружать груз с большого судна, которое не может преодолеть мелководье.

Леонид Трефолев

Дубинушка
(*Картинка из бывшего-отжившего*)

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки.
Тяжело им, на каждом шагу устают
И «Дубинушку» тихо поют.
Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень
В этот жаркий, безоблачный день!
Всё бы легче народу неволю терпеть,
Всё бы легче «Дубинушку» петь.
«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз…
Покатилися слёзы из глаз.
Истомилася грудь. Лямка режет плечо…
Надо «ухать» ещё и ещё!
…От Самары до Рыбинска песня одна;
Не на радость она создана:
В ней звучит и тоска – похоронный напев,
И бессильный, страдальческий гнев.
Это – праведный гнев на злодейку-судьбу,
Что вступила с народом в борьбу
И велела ему под ярмом, за гроши

Добывать для других барыши…

«Ну, живее!» – хозяин на барке кричит
И костями на счётах стучит…
…Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

1865

Вековечная старуха

Бедность проклятую знаю я смолоду.
Эта старуха, шатаясь от голоду,
В рубище ходит, с клюкой, под окошками.
Жадно питается скудными крошками.
В диких очах видно горе жестокое,
Горе тоскливое, горе глубокое,
Горе, которому нет и конца…
Бедность гоняют везде от крыльца.
Полно шататься из стороны в сторону!
Верю тебе я, как вещему ворону.
Сядь и закаркай про горе грядущее,
Горе, как змей ядовитый, ползущее,
Горе, с которым в могилу холодную
Я унесу только душу свободную;
Вместе же с нею в урочном часу
Я и проклятье тебе унесу.
Не за себя посылаю проклятия:
О человеке жалею – о брате – я.
Ты надругалась руками костлявыми
Над благородными, честными, правыми.
Сколько тобою мильонов задавлено,
Сколько крестов на могилах поставлено!
Ты же сама не умрёшь никогда,
Ты вековечна, старуха-нужда!

Шут
(*Картинка из чиновничьего быта*)

1

В старом вицмундире с новыми заплатами
Я сижу в трактире с крезами[26] брадатыми.
Пьяница, мотушка, стыд для человечества,
Я – паяц, игрушка русского купечества.
«Пой, приказный[27], песни!» – крикнула компания. —
«Не могу, хоть тресни, петь без возлияния».
Мне, со смехом, крезы дали чарку пенного,
Словно вдруг железы сняли с тела бренного.
Все родные дети, дети мои милые.
Выпивши довольно, я смотрю сквозь пальчики,
И в глазах невольно заскакали «мальчики».
«Ох, Создатель! Эти призраки унылые —
Первенца, Гришутку, надо бы в гимназию…
(Дайте на минутку заглянуть в мальвазию!)
Сыну Николаю надо бы игрушечку…
(Я ещё желаю, купчики, косушечку!)

---

[26] *Крез*, или *крёз*, – нарицательное обозначение богача; от имени царя Лидии VI в. до н. э.

[27] *Приказный* – пренебрежительное обозначение чиновника.

Младший мой сыночек краше утра майского…
(Дайте хоть глоточек крепкого ямайского!)
У моей супруги талья прибавляется…
(Ради сей заслуги выпить позволяется!)» —
«Молодец, ей-богу, знай с женой пошаливай,
Выпей на дорогу и потом – проваливай!»

2

Я иду, в угаре, поступью несмелою,
И на тротуаре всё «мыслете» делаю[28].
Мне и горя мало: человек отчаянный,
Даже генерала я толкнул нечаянно.
Важная особа вдруг пришла в амбицию:
«Вы смотрите в оба, а не то – в полицию!»
Стал я извиняться, как в театре комики:
«Рад бы я остаться в этом милом домике;
Топят бесподобно, в ночниках есть фитили —
Вообще удобно в даровой обители;
В ней уже давненько многие спасаются… —
Жаль, что там маленько клопики кусаются,
Блохи эскадроном скачут, как военные…
Люди в доме оном все живут почтенные.
Главный бог их – Бахус… Вы не хмурьтесь тучею,

[28] Делать «мыслете», то есть выписывать букву «М» старой русской азбуки – о походке пьяного; то же, что «выделывать ногами кренделя».

Ибо вас с размаху-с я толкнул по случаю».
И, смущён напевом и улыбкой жалкою,
Гривну дал он, с гневом погрозивши палкою.

3

Наконец я дома. Житие невзрачное:
Тряпки да солома – ложе наше брачное.
Там жена больная, чахлая и бледная,
Мужа проклиная, просит смерти, бедная.
Это уж не грёзы: снова скачут мальчики,
Шепчут мне сквозь слёзы, отморозив пальчики:
«Мы, папаша, пляшем, потому что голодно,
А руками машем, потому что холодно.
Отогрей каморку в стужу нестерпимую,
Дай нам хлеба корку, пожалей родимую!
Без тебя, папаша, братца нам четвёртого
Родила мамаша – худенького, мёртвого»…

4

Я припал устами жадно к телу птенчика.
Не отпет попами, он лежал без венчика.
Я заплакал горько… Что-то в сердце рухнуло…

Жизнь птенца, как зорька, вспыхнувши, потухнула.
А вот мы не можем умереть – и маемся.
Корку хлеба гложем, в шуты нанимаемся.
Жизнь – плохая шутка… Эх, тоска канальская!
Пропивайся, ну-тка, гривна генеральская!

1866

Песня о камаринском мужике

Ах ты, милый друг, камаринский мужик,
Ты зачем, скажи, по улице бежишь?

Народная песня

1

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена
И «дешёвкою» подмочена;
Свежей крови струйки алые
Покрывают щёки впалые.
Ах ты, милый друг, голубчик мой Касьян!
Ты сегодня именинник, значит – пьян.
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле.
В этот день для них зелёное вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно.
Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыл жену сердечную

И своих родимых деточек,
Близнецов двух, малолеточек.
Заломивши лихо шапку набекрень,
Он отправился к куме своей в курень[29].
Там кума его калачики пекла;
Баба добрая, румяна и бела,
Испекла ему калачик горячо
И уважила… ещё, ещё, ещё.

2

В это время за лучиною
С бесконечною кручиною
Дремлет-спит жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьяного:
«Пресвятая Богородица!
Где злодей мой хороводится?»
Бабе снится, что в весёлом кабаке
Пьяный муж её несётся в трепаке,
То прискочит, то согнётся в три дуги,
Истоптал свои смазные сапоги
И руками и плечами шевелит…
А гармоника пилит, пилит, пилит.
Продолжается видение:
Вот приходят в «заведение»

[29] *Курень* – пекарня.

Гости, старые приказные,
Отставные, безобразные,
Красноносые алтынники,
Все Касьяны-именинники.
Пуще прежнего веселье и содом.
Разгулялся, расплясался пьяный дом,
Говорит Касьян, схватившись за бока:
«А послушай ты, приказная строка,
У меня бренчат за пазухой гроши:
Награжу тебя… Пляши, пляши, пляши!»

3

Осерчало «благородие»:
«Ах ты, хамово отродие!
За такое поношение
На тебя подам прошение.
Накладу ещё в потылицу![30]
Целовальник[31], дай чернильницу!»
Продолжается всё тот же вещий сон:
Вот явился у чиновных у персон
Лист бумаги с государственным орлом.
Перед ним Касьян в испуге бьёт челом,

[30] *Потылица* – затылок.

[31] *Целовальник* – продавец вина (приносил клятву соблюдать правила торговли и в подтверждение целовал крест).

А обиженный куражится, кричит
И прошение строчит, строчит, строчит.

«Просит… имя и фамилия…
Надо мной чинил насилия
Непотребные, свирепые,
И гласил слова нелепые:
Звал „строкой“, противно званию…
Подлежит сие к поданию…»
Крепко спит-храпит Касьянова жена.
Видит баба, в вещий сон погружена,
Что мужик её, хоть пьян, а не дурак,
К двери пятится сторонкою, как рак,
Не замеченный чиновником-врагом,
И – опять к куме бегом, бегом, бегом.

4

У кумы же печка топится,
И кума спешит, торопится,
Чтобы трезвые и пьяные
Калачи её румяные
Покупали, не торгуйся,
На калачницу любуяся.
Эко горе, эко горюшко, хоть плачь!
Подгорел совсем у кумушки калач.

Сам Касьян был в этом горе виноват:
Он к куме своей явился невпопад,
Он застал с дружком изменницу-куму.
Потому что, потому что, потому…

«Ах ты, кумушка-разлапушка,
А зачем с тобой Потапушка?
Всех людей считая братцами,
Ты не справилась со святцами.
Для Потапа-безобразника
Нынче вовсе нету праздника!»
Молодецки засучивши рукава,
Говорит Потап обидные слова:
«Именинника поздравить мы не прочь,
Ты куму мою напрасно не порочь!»
А кума кричит: «Ударь его, ударь!
Засвети ему фонарь, фонарь, фонарь!»

5

Тёмной тучей небо хмурится.
Вся покрыта снегом улица;
А на улице Варваринской
Спит… мертвец, мужик камаринский,
И, идя из храма Божия,
Ухмыляются прохожие.

Но нашёлся наконец из них один,
Добродетельный, почтенный господин, —
На Касьяна сердобольно посмотрел:
«Вишь, налопался до чёртиков, пострел!»
И потыкал нежно тросточкой его:
«Да уж он совсем… того, того, того!»
Два лица официальные
На носилки погребальные
Положили именинника.
Из кармана два полтинника
Вдруг со звоном покатилися
И… сквозь землю провалилися.
Засияло у хожалых[32] «рожество»:
Им понравилось такое колдовство,
И с носилками идут они смелей,
Будет им ужо на водку и елей;
Марта первого придут они домой,
Прогулявши ночь… с кумой, с кумой, с кумой.

1867

[32] *Хожалый* – рассыльный, служитель при полиции для разных поручений, имеющий низший полицейский чин.

Пошехонские леса

Савве Дерунову

Ох, лесочки бесконечные,
Пошехонские, родимые!
Что шумите, вековечные
И никем не проходимые?

Вы стоите исполинами,
Будто небо подпираете,
И зелёными вершинами
С непогодушкой играете.

Люди конные и пешие
Посетить вас опасаются:
Заведут в трущобу лешие,
Насмеются, наругаются.

Мишки злые, неуклюжие
Так и рвутся на рогатину:
Вынимай скорей оружие,
Если любишь медвежатину!

Ох, лесочки бесконечные,
Пошехонские, родимые!
Что шумите, вековечные

И никем не проходимые?

Отвечают сосны дикие,
Поклонившись от усердия:
«К нам пришли беды великие —
Рубят нас без милосердия.

Жили мы спокойно с мишками,
Лешим не были обижены;
А теперь, на грех, мальчишками
Пошехонскими унижены».

«Доля выпала суровая! —
Зашумели глухо ёлочки. —
Здесь стоит изба тесовая,
Вся новёхонька, с иголочки.

„Земской школой“ называется,
Ребятишек стая целая
В этой школе обучается
И шумит, такая смелая!

И мешает нам дремать в глуши,
Видеть сны, мечты туманные…
Хороши ли, путник, – сам реши —
Эти школы окаянные?»

Нет, лесочки бесконечные,
Ваша жизнь недаром губится.

Я срубил бы вас, сердечные,
Всех на школы… да не рубится!

1870

Наша доля – наша песня

Памяти Ивана Сурикова

Я тоски не снесу
И, прогнавши беду,
На свободе в лесу
Долю-счастье найду.

Отзовись и примчись,
Доля-счастье, скорей!
К сироте постучись
У тесовых дверей.

С хлебом-солью приму
Долю-счастье моё,
Никому, никому
Не отдам я её!

Но в лесной глубине
Было страшно, темно.
Откликалося мне
Только эхо одно…

Так и песня моя
Замирает в глуши
Без ответа… Но я —

Я пою от души.

Пойте, братья, и вы!
Если будем мы петь,
Не склоняя главы, —
Легче горе терпеть.

Что ж мы тихо поём?
Что ж наш голос дрожит?
Не рекой, а ручьём
Наша песня бежит…

1880

Безыменный певец

Жил когда-то гусляр.
Не для знатных бояр —
Для народа он песни слагал.
Лишь ему одному
В непроглядную тьму
Вольной песней своей помогал.

Пел он звонко: «Не трусь,
Православная Русь!
Перестань голубком ворковать.
Будь могучим орлом
И иди напролом,
Не дремли, повалясь на кровать…

Как не стыдно тебе
В дымной тесной избе
При лучинушке плакать вдовой?
Ты по белым снежкам,
По зелёным лужкам
Пронесись, словно конь боевой!»

И от звуков певца
Разгорались сердца,
Молодела народная грудь —
И, надежды полна,

Подымалась она
И старалась поглубже вздохнуть…

Где скончался певец,
Много-много сердец
Пробуждавший на старой Руси?
Где он спит под крестом
Сладко, крепко? О том
У могил безыменных спроси…

Современный поэт!
Дай правдивый ответ:
Для кого, для чего ты поёшь?
С неизменной тоской —
Для услады людской
Что народу ты в песнях даёшь?

Кроткий друг и собрат!
Сладкой песне я рад.
Ты поёшь, как лесной соловей,
Одного я боюсь,
Что народную Русь
Не разбудишь ты песней своей.

1897

Иван Суриков

Рябина

– Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну[33]?

– С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

А через дорогу
За рекой широкой
Также одиноко
Дуб стоит высокий.

[33] *Тын* – забор, частокол.

Как бы я желала
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться.

1864

Детство

Вот моя деревня:
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок – хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег…
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь —
Руки не согнёшь —
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова…
Тихо всё кругом;
Только слышишь: воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца…

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке…
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица

Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку – хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум-звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня…
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!

Вас не омрачали
Горе и беда.

1865 или 1866

В ночном

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далёком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздаётся:
То табун коней в ночное
По лугам несётся.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собралися дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули… Не шелохнет
Лес густым навесом.

Всё темней, темней и тише…
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст – и снова
Всё смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несётся ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый;

И какие-то все в белом
Тени в поле ходят…
Детям боязно – и дети
Огонёк разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

1874

Степь

Кони мчат-несут.
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берёт;
Про моздокскую
Степь ямщик поёт…

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид,
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой…

Кстати ей ещё
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне её кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится…
Да в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1877

Зима

Белый снег пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле побелело,
Точно пеленою
Всё его одело.

Тёмный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно…

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

Труженик-крестьянин
Вытащил санишки,
Снеговые горы
Строят ребятишки.

Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи,
И избу соломой
Он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.

Он теперь покоен —
Всё кругом укрыто,
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.

1880

Савва Дерунов

Утро на сенокосе

На цветных лугах
Лежит ноченька
Тёмным бархатом
Переливчатым.
Только реченька
Меж лугов течёт,
Светлым зеркалом
Вдали светится.
На краю за ней
Лес чернеется,
Кудри свесились,
Принахмурился.
Ярко на небе
Звёзды светятся,
Как у девицы
Очи ясные.
От полуночи
Всплыло облако.
Свод задёрнуло
Неба синего.
На востоке даль

Огнём вспыхнула.
Ярким заревом
Разливается.
У реки луга
Запестрелися.
Ветерок пахнул,
Всё проснулося.
Из села в луга
Косцы дюжие
С косой острою
Все торопятся.
И пошла коса
По траве гулять,
Класть в ряды траву
Подкошённую.
Из села в луга
Идут девушки,
А в руках у них
Грабли новые.
Вот тогда кругом,
В зеленых лугах,
Песня русская
Всюду слышится,
На душе тогда
Любо, радостно,
Грудь широкая
Подымается.

«Луг зелёный под росою…»

Луг зелёный под росою
Днём дождями был обмытый,
По приречью, полосою,
Был туманом он покрытый.
Сверху – небо голубое
И чудесных звёзд сверканье.
Всё приречье – облитое
Нежным светом… Колыханье
Светлой речки – не шумящей,
На заливе гладь зеркальна…
Скорбью льётся в ней щемящей
Песня – песня та печальна…

Максим Богданович

«Скоро вечер в прошедшее канет…»

Скоро вечер в прошедшее канет.
Блещут звёзды пушистые, светит
Месяц бледный, холодный и тянет
Из реки серебристые сети.

В них русалки запутали косы —
Рвут и путают влажные нити.
Ночь плывёт над землёй, сеет росы,
Тихо шепчет русалкам: «Усните».

1909

«Тёплый вечер, тихий ветер, мягкий стог…»

Тёплый вечер, тихий ветер, мягкий стог
Уложили спать меня на грудь земли.
Не курится пыль столбами вдоль дорог,
В небе месяца сияет бледный рог,
В небе тихо звёзды расцвели.

Убаюканный вечерней тишиною,
Позабыл я, где рука, где голова.
Вижу я, с природой слившися душою,
Как дрожат от ветра звёзды надо мною,
Слышу, как растёт в тиши трава.

1910

Озеро

Тут рос густой, суровый бор
И леший жил; когда ж топор
В бору раздался – леший сгинул
И, уж не виданный с тех пор,
Нам зеркальце своё подкинул.

Как будто в мир иной окно,
Лежит, спокойное, оно,
Теченье жизни отражает
И всё, что сгинуло давно,
В холодной глубине скрывает.

1910

«Хорошо прозрачной тёплой ночью мая…»

Хорошо прозрачной тёплой ночью мая
В травах светляков зелёный свет горит.
Хорошо на небе россыпь золотая
Звёзд блестящих переливчато дрожит.
В этот час душа широко раскрывает
Крылья белые, помятые житьём,
И, взмахнувши вольно ими, улетает
В царство сказки, всё овеянное сном.

1910

«Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело…»

Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело,
И поверилось, что жизнь проста, легка,
В сердце зыбком что-то пело и болело,
Радость душу мне щемила, как тоска.
А сегодня вновь мечтой себя туманю,
Книгу развернул, но не могу читать.
Как случилося, что полюбил я Аню,
Разве знаю я? Да и к чему мне знать?

1910–1913

«Уж синее небо темнеет…»
Из цикла «Полынь-трава»

Уж синее небо темнеет.
День кончился, ночь впереди.
Блистательных звёзд ожерелья
Порвались на Божьей груди.

Рассыпались звёзды и чутко
На землю, на край наш глядят.
Что ж видят они там, что слышат?
Зачем всё дрожат и дрожат?

1910

Костёл святой Анны в Вильне

Чтоб заживить на сердце раны,
Чтоб освежить усталый ум,
Придите в Вильну к храму Анны,
Там исчезает горечь дум.
Изломом строгим в небе ясном
Встаёт, как вырезной, колосс.
О, как легко в порыве страстном
Он башенки свои вознёс.
А острия их так высоко,
Так тонко в глубь небес идут,
Что миг один, и – видит око —
Они средь сини ввысь плывут.
Как будто с грубою землёю
Простясь, чтоб в небе потонуть,
Храм стройный лёгкою стопою
В лазури пролагает путь.
Глядишь – и тихнут сердца раны,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.